

ляется, что, вероятно, свидетельствует о несовершенном владении ими таджикским языком.

По фонетическим и грамматическим свойствам таджикская речь ягнобцев вместе с окружающими таджикскими говорами близка к верхнефальгарским и нижнематчинским говорам¹⁴⁶, однако имеет также ряд отличительных особенностей. Во время разговора на таджикском языке отдельные ягнобцы допускают отклонения от норм таджикского языка. В собранных нами материалах встретились следующие случаи таких отклонений:

1) под влиянием ягнобского глагольного окончания 1-го лица множественного числа *-im* (§ 103) окончание 1-го лица множественного числа настоящего-будущего времени сослагательного наклонения произносится как *-im* вместо обычного *-em*: *raftá Márxtimayn ba tamošo kunim* 'пойдемте посмотрим в Мархтимайне'; *hdmu-am laḡāt kunim, xūdaš maydā šudā mēravat* 'так вот тоже ударим ногой, сам развалится';

2) по аналогии с энклитическими местоимениями единственного числа ягнобского языка таджикские местоименные энклитики 1-го и 3-его лица единственного числа произносятся как *-im*, *-iš*: *zūr-im nārasad* 'пожалуй, у меня не хватит силы'; *bač-iš-am raft-ku oxi hamīn rūz* 'ее сын тоже ведь сегодня уехал'; *man yākt-iš-a ponzdāh rūz peš giriftam* 'я взял одну пятнадцать дней назад';

3) употребление форм изъявительного наклонения вместо сослагательного в сочетаниях с модальным словом *tumkīn* (см. § 113): *hamīn waxt tumkīn Dymzoy raft* 'в это время он, наверное, ушел в Думзой' (вместо *raftā bošād*);

4) употребление ягнобского союза *-k* в условном придаточном предложении (вместо таджикского союза *agar*): *nā-k-tūnat furūxtān?* 'а если он не позволит продавать?';

5) нарушение согласования в числе: *monéd, in odamó čoy méxūrat* 'оставьте, эти люди пьют чай'; *vayhó ās namēravad* 'они вообще не пойдут';

6) употребление созданного экспромтом предлога *a peš* вместо имеющегося в таджикском *peš az* 'до': *a peš inqilóbraft xūḡagī bḡd hamī boló-ba* 'до революции там наверху было семь хозяйств'.

Иногда в таджикской речи ягнобцев встречаются вставки отдельных ягнобских слов и словосочетаний: *Nurmahmát, čoy hast, dam kun rayíšt-xotír* 'Нурмахмад, чай есть, завари председателю'; *a Nómithon ūrū avésom mēgūt* 'мы спустились по ту сторону Номиткона, — говорит он'; *iīs, aīsoná-ra jūšdor* 'заходи, послушай сказку'; *māna in kas sapsim yaḡnobi nāḡitīvošt* 'вот этот человек совсем не знает ягнобского'; *vay šax čūkka bḡd* 'он стоял прямо'; *rav, a xok ob biyor* 'пойди, принеси воды из источника' (ягн. *xok* — тадж. *čašmá*).

Ягнобско-согдийские диалектные отношения

Проблема согдийских диалектов давно находится в центре внимания иранистов¹⁴⁷. Наиболее тщательно она была изучена одним из лучших знатоков согдийского языка проф. В.Б. Хеннингом¹⁴⁸. Его точка зрения сводится к следующему.

Взаимоотношения различных форм согдийского языка пока еще недостаточно исследованы. До сих пор собственно неясно, насколько правомерно вообще говорить о диалектах этого языка. Если исключить дифференции, обусловленные разновидностями письма и орфографическими системами, то возникает вопрос, действительно ли остальные отличительные черты базируются на диалектных различиях. Они ведь могут отражать иную ступень в развитии одного и того же диалекта или же возникнуть в результате относительно изолированного положения группы говорящих внутри общества. Именно социологический фактор не следует упускать из виду при исследовании манихейско-согдийского и христианско-согдийского, где речь идет о религиозных общинах со сравнительно небольшим числом членов, которые в силу исторических причин образовали «замкнутые общества», а это являлось, в свою очередь, хорошей почвой для возникновения языковых особенностей, а также для сохранения некоторых древних черт (ср., например, еврейско-персидский).

В области фонетики существенных различий до сих пор обнаружено не было. Например, христианско-согдийские формы *mc'(ma(c)cā)* и *ms'(ma(s)sā)* 'сюда' в противоположность

буддийскому *mrtś'r* или *kəṛ* 'сделал' в противоположность **krtwδ'r* являются лишь продуктами позднейшей ступени развития.

Иное дело, если бы удалось доказать, что отраженное в графике христианско-согдийских текстов различие фонем *δ* и *ʒ* во всех других формах согдийского языка перестало существовать. Однако одного только того обстоятельства, что в словах, заимствованных персидским языком из согдийского, *l* отражает оба звука — *δ* и *ʒ*, недостаточно для решения этого вопроса, тем более, что различие *δ* и *ʒ* отражено арабской графикой в согдийской лексике, приводимой Бируни, а также подкрепляется фонетикой ягнобского языка (*d* — зап. *t*, вост. *s*).

Аналогично положение и в области морфологии. Так, убывание форм имперфекта в пользу перфекта в христианско-согдийском является всего лишь упрощением первоначально более сложной глагольной системы, происшедшим в условиях конфессиональной (и, соответственно, социальной) изоляции христианско-согдийского^{148а}.

Отдельные незначительные дифференции внутри христианско-согдийского могут объясняться главным образом индивидуальными особенностями писцов. Манихейско-согдийский отличается от общесогдийского лишь в мелочах. В настоящее время возникла настоятельная необходимость заново исследовать общесогдийский, т.е. главным образом язык буддийских текстов.

Таким образом, исходя из высказываний В.Б. Хеннинга, на данном этапе изучения согдийского языка мы не можем на основании сохранившихся текстов установить его подлинно диалектные разновидности, которые все же, несомненно, должны были существовать, о чем свидетельствует материал ягнобского языка.

Именно ягнобский язык является продолжением одного из диалектов согдийского. Следовательно, наряду с общесогдийскими чертами этот диалект обладал еще своими собственными, отличавшими его от других разновидностей согдийского языка. Выявить все эти особенности — дело чрез-

вычайной трудности прежде всего потому, что за период своего многовекового взаимодействия с таджикским языком этот согдийско-ягнобский диалект претерпел существенные изменения. Многие отличительные черты, которые, на первый взгляд, могут показаться диалектными, на самом деле являются результатом позднего развития, либо спонтанного, либо обусловленного языковым взаимодействием. Поэтому не удивительно, что при решении вопроса ягнобско-согдийских диалектологических отношений могут возникнуть различные мнения.

Наиболее обстоятельно этот вопрос разработан в диссертации М.Н. Боголюбова¹⁴⁹.

Исследовав самым тщательным образом ягнобско-согдийские фонетические соответствия, М.Н. Боголюбов пришел к заключению, что, очевидно, «в состав согдийской языковой общности входил территориальный диалект, в котором:

1) общесогдийскому щелевому *δ* противопоставлялся смычный *d*; глухой щелевой *ʒ* диалекта отразился в ягнобских говорах как *t* (зап.) и *s* (вост.), аналогично отразился бы в говорах и звонкий щелевой **δ* диалекта > **d* (зап.) и **z* (вост.). Оба говора дают лишь соответствие: иран. *d* > ягн. *d*. Последнее указывает на то, что ягнобский унаследовал иранское *d* непосредственно, минуя этап *δ*;

2) древняя группа *ʒr* удерживалась в аналауте и переходила в *l* в интервокальном положении, напр.: иран. **ʒray* — 'три', согд. *δry* **ʒre*: и *šy* **ʒe*:, ягн. зап. *tiray*, вост. *saray* из общеягн. **ʒray*; ягн. *o:l* 'огонь', согд. **š* **a:š*, иран. **a:ʒr*;

3) древняя группа *dr*-, *-dr*- сохранялась, например: ягн. *diraw* 'волос', согд. *zwy* **žawi* (< *δraw*, ср. осет. *ʒrdu*, ормури *dri*:); ягн. *mirda* (< **midraka*-) 'ожерелье', согд. *mwž'kk* (< **muδr*-) 'жемчуг', ср. сангл. *murdik* 'камень';

4) краткое *a* перед *rt* замещалось долгим *a:* > ягн. *o:*, ср. ягн. *ma:rt* 'мужчина', согд. *mrt* **mart*, тадж. *mard*; ягн. *so:rt* 'холодный', согд. *srt* **sart*, тадж. *sard*.

Имеются диалектные различия в области морфологии, которые, по мнению М.Н. Боголюбова, заключаются в следующем:

1) « в отличие от согдийского ягнобский развил внешний аугмент (аугмент при бесприставочных глаголах): ягн. *avar* 'он унес' < **abarāt*, утратив внутренний (аугмент при приставочных глаголах): ягн. *divar-* 'вводить' (< **ati-bara-*) - *adivar* 'он ввел';

2) окончание - *o:r* (авест. - *o:rai* - первичное окончание 3-го л. мн.ч. среднего залога) сближает ягнобский язык с сакским и хорезмийским и отличает его от согдийского ».

Что касается исконно ягнобской лексики, то она, отмечает М.Н. Боголюбов, « подобно фонетике и морфологии языка, говорит и о том, что диалекты, лежащие в основе ягнобского языка и языка согдийских текстов, разные » (ср. ягн. *jurda* 'глаз', *ṣayk* 'дочь', *raḥ* 'рот', *nos-* 'брать', « которые незнакомы согдийским текстам »).

Выяснением ягнобско-согдийских диалектологических отношений занимался также В.А. Лившиц¹⁵⁰. По его мнению, основные отличия согдийско-ягнобского диалекта от диалекта, легшего в основу языка согдийской письменности, выражаются в том, что:

1) « древнеиранская группа *ṣr-* в согдийском перешла в *š*, в ягнобском она отразилась как *tr* (западный говор), *sr* (восточный говор): др.-ир. *ṣray* 'три', согд. *šē*, ягн. *tiráy//saráy*;

2) древняя группа *dr* перешла соответственно в согдийском в *ž*, в ягнобском она сохранялась в начале слова и переходила в -*rd-* после гласного: др.-ир. *draw* 'волос', согд. *žaw-*, ягн. *diráw*; др.-ир. *mudraka* 'бусина, ожерелье', согд. *māžak*, ягн. *mirda*;

3) в отличие от согдийского в ягнобском все глаголы образуют прошедшее время с помощью префикса (аугмента) *a-*, тогда как в согдийском этот префикс выступал только в приставочных глаголах, причем располагался после приставки (ср. согд. *ṣāw* 'он пришел', ягн. *avāw*; согд. *ṣāḡaxs* 'он остался' от *ṣpraxs-*, ягн. *apiráxs*);

4) флексия 3-го лица множественного числа -*or* сближает ягнобский с авестийским, хорезмийским и хотано-сакским и отличает его от согдийского диалекта письменных памятников;

5) отмечаются определенные лексические различия, например, ягн. *jurda* 'глаз' - согд. *ḡašt*, *ḡam*: ягн. *ṣayk* 'дочь' - согд. *ḡuḡd*, *ḡuṭ*; ягн. *pirónt-* 'продавать' - согд. *parēd-*; ягн. *raḥ* 'рот' - согд. *kūč* и др. ».

В.А. Лившиц высказывает предположение, что ягнобский язык является потомком раннесредневековых согдийских диалектов уструшанской группы, так что его отличия от письменного согдийского отражают различия между согдийскими говорами горной Уструшаны и согдийским диалектом Самарканды, легшим в основу письменного согдийского языка.

Итак, различия во мнениях двух исследователей, М.Н. Боголюбова и В.А. Лившица, касаются лишь области фонетики. Лившиц исходит из того, что ягнобское *d* является поздним развитием общесогдийского *ḡ*. Эта точка зрения была высказана в свое время Р. Готье и В.Б. Хеннингом. Так, Р. Готье отмечает, что до того, как ягнобское *d* является поздним развитием общесогдийского *ḡ*. Эта точка зрения была высказана в свое время Р. Готье и В.Б. Хеннингом. Так, Р. Готье отмечает, что доказательством разграничения в согдийском *ḡ* и *ṣ* служит тот факт, что в ягнобском мы имеем *d* < *ḡ*- и *t* < *ṣ*-¹⁵¹.

По мнению В.Б. Хеннинга, противопоставление согдийских *ḡ* - *ṣ* сохранилось в ягнобском в виде противопоставления *d* - *t* (зап.), *s* (вост.)¹⁵².

Одним из доводов в пользу того, что ягн. *d* является непосредственным продолжением др.-ир. *d*, считается отсутствие противопоставления зап. **d* - вост. **z*, которое якобы должно было бы быть, если бы согдийско-ягнобский диалект имел фонему *ḡ*. Тогда результат эволюции обоих спирантов в современном ягнобском должен был бы выглядеть так:

согд.-ягн. * <i>ḡ</i>	{	зап.ягн.	* <i>d</i>
		вост.ягн.	* <i>z</i>
согд.-ягн. <i>ṣ</i>	{	зап.ягн.	<i>t</i>
		вост.ягн.	<i>s</i>

Но дело в том, что едва ли допустимо предполагать параллельное развитие δ и ϑ . Вопрос о фонематической значимости согдийского δ очень сложен. Большое внимание уделил ему В. Хеннинг. В свое время он выдвинул гипотезу¹⁵³, согласно которой в большинстве согдийских диалектов др.-ир. $d(\delta)$ и ϑ слились в одну фонему, которая в западных согдийских диалектах была близка по звучанию к l , в то время как в восточных она скорее произносилась как d . С другой стороны, различие между δ и ϑ сохранялось в согдийско-христианском, точно так же, как в ягнобском ($d - t/s$) или хорезмийском.

В. Хеннинг подчеркивал, что его гипотеза должна рассматриваться как намеренное упрощение очень сложной проблемы. Позднее он отметил также сохранение следов различий δ и ϑ в согдийской лексике, встречающейся в сочинениях Бируни (см. выше). Согдийская азбука, найденная в июне 1965 г. при раскопках цитадели древнего Пенджикента, также указывает, как и графика согдийско-христианских текстов на сохранение различий между δ и ϑ ¹⁵⁴.

Остается добавить еще высказывание И. Гершевича о том, что неизвестно, каково было в точности произношение согдийского δ в тех случаях, когда другие иранские языки имеют l (ср. согд. $pt\vartheta\delta t$ 'чаши' — перс. $peigāle$)¹⁵⁵.

Профессор В.И. Абаев (устное сообщение) считает, что фонетическую систему языка Авесты следует рассматривать как исходную для восточноиранских языков. Там мы имеем d в анлауте, но δ в инлауте. Очевидно, и в протоягнобском в интервокальной позиции также было δ . Подтверждение этому мы находим на материале осетинского языка, близкого ягнобскому. О том, что в древней стадии осетинского — аланского — в интервокальной позиции было δ , а не d , свидетельствуют заимствования из аланского в венгерском: $b\ddot{u}z$ 'запах' (осет. $b\ddot{u}d//bod\ddot{x}$ 'благование', 'ладан', авест. $baoda-$ 'запах'); $fizetr-$ 'платить' (осет. $fid-$ 'платить'); $\hat{e}z$ 'вкус' (осет. ad 'вкус'); gaz 'лес' (осет. $q\hat{d}z\hat{d}$ 'лес')^{155a}.

В большинстве восточноиранских языков $d-$ перешло в δ и только лишь в сангличском и осетинском, как и в яг-

нобском, мы имеем $d-$. Интервокальное же δ в восточноиранских языках либо сохранилось, либо дало d , l ¹⁵⁶.

Еще один довод, приводимый для доказательства того, что ягн. d возникло непосредственно из др.-ир. d , состоит, по мнению М.Н. Боголюбова, в следующем: «В ягнобском, как правило, согласный преверба уподоблен по звонкости начальному согласному корня: $*uz-xwāhaya- > *sxwāy-$ ягн. $suxoy-$ 'поднимать', $*ati-bara- > *dvar-$ ягн. $divar-$ 'вводить'; и только в производных от $a\vartheta i-bara-$: $*a\vartheta i-brta-(ka) >$ ягн. $tifar-$: зап. $tiforta$, $tirafsta$, вост. $sarafta$ 'давать' наблюдается обратное: здесь начальный согласный корня уподоблен по звонкости согласному преверба. Указанное своеобразие в развитии ягнобского $tifar-$ из $*a\vartheta i-bara-$ объясняется тем, что в ягнобском исторически не было звонкой пары к глухой фонеме ϑ . Отсутствие таковой и привело к обратному подчинению согласных по звонкости, т.е. оглушению коренного под воздействием согласного преверба. В согдийском в отличие от ягнобского имелись обе фонемы — ϑ и δ . Ввиду этого согд. $\delta\beta r-$ 'давать' можно читать не с глухими согласными в начале ($*\vartheta far-$), как это принято делать под влиянием ягнобского $tifar-$, а со звонкими: $*\delta var-$,¹⁵⁷

Разберем этот довод, начиная с его заключительной части, т.е. с вопроса о том, как звучал глагол со значением «давать» в согдийском. В согд.-будд. и согд.-ман. он пишется как $\delta\beta r-$, в согд.-хр. — как $tbr-$ ¹⁵⁸. Именно этот факт подтверждает то, что $\delta\beta r-$ следует читать как $\vartheta var-$, ибо знаком «тау» сирийского письма в согдийско-христианских текстах обозначается фонема ϑ . Что касается согдийского δ , то он отражается в сирийском письме через d ¹⁵⁹. Таким образом, если бы глагол $\delta\beta r-$ произносился как $*\delta var-$, то в согдийско-христианских текстах мы имели бы вместо $tbr-$ написание $*dbr-$. Этимология этого глагола давно занимала иранистов. В настоящее время большинство исследователей принимает этимологию, предложенную В. Хеннингом и И. Гершевичем: согд. $\vartheta var-$ (ягн. $t(i)\acute{s}ar-$) $< *fvar- < fra-bara-$: $\vartheta var-$ $< fra-barta-$ с диссимиляцией f перед губным спирантом¹⁶⁰.

Такая этимология поддерживается данными хорезмийского и хотано-сакского языков, в которых глагол «давать» продолжает др.-ир. **fra-bara-* : хорезм. *hivr-* (*hβr-*), с переходом префикса *fra-* в *ha-* и далее в *hi-* с выпадением гласного основы; хот.-сакс. *haur-*: *hauda-*, *hūda-* с аналогичными переходом *fra->ha-* и выпадением гласного (**hava-ra->havr->haur*)^{160a}. Тогда едва ли правомерно привлекать ягнобский глагол *tifār-* для доказательства того, что в согдийско-ягнобском отсутствовала звонкая пара к глухой фонеме *ʃ*. Таким образом, число доводов, приводимых для доказательства того, что ягнобское *d* миновало стадию согдийского звонкого спиранта *δ* и восходит непосредственно к древнеиранскому *d*, теперь уже весьма невелико.

Можно вполне согласиться с мнением такого опытного согдолога, как профессор И. Гершевич, о том, что согд. *ž* в *žaw* и т.д. скорее всего возникло из *δr* нежели из *dr*. Если в ягнобском никогда не было *δr*, то в этом языке нельзя ожидать и появления *ž* из др.-ир. *dr*, чего и на самом деле нет в *dirāū*. С другой стороны, если ягнобский происходит из согдийского диалекта, в котором *δ* деспирантизовалось раньше, чем в других согдийских диалектах *δr* перешло в *ž*, то это, пожалуй, также явилось бы объяснением, почему данное явление отсутствует в ягнобском¹⁶¹.

Думается, что сама по себе эволюция ягнобского *d* (вне группы *dr*), какова бы она ни была, не является существенным фактором в решении вопроса ягнобско-согдийских диалектологических отношений; В. Хеннинг также предполагал, что существовали такие согдийские диалекты, в которых согласный, восходящий к др.-ир. *d*, произносился на определенном этапе скорее как *d* («*more like d*»). Такое предположение В. Хеннинга базируется на том, что в уйгурском письме, происшедшем из согдийского, знак *δ* передает взрывное *d*. Ягнобский может быть потомком одного из этих диалектов, однако вопрос о том, имел ли он изначально *d-*, а не *δ* или деспирантизация произошла на сравнительно позднем этапе, остается открытым.

Что касается *a > *ā > ягн. o* перед *rt* как диалектной особенностью ягнобского, то это, по-видимому, специфически ягнобская, но поздняя черта¹⁶².

Если исключить судьбу др.-ир. *d*, то основными диалектными отличиями ягнобского от общесогдийского в фонетике остается различное развитие древнеиранских групп *ʃr* и *dr*, которое можно наглядно представить в виде следующей таблицы:

Таблица 2

Согдийский письменный	Древнеиранский	Ягнобский
<i>š</i>	$< \begin{cases} ʃr- \\ -ʃr- \end{cases}$	$*ʃr- > \begin{cases} t^{(i)}r-(\text{зап.}) \\ s^{(a)}r-(\text{вост.}) \end{cases}$ <i>-l-(?)</i>
<i>ž < *δr</i>	$< \begin{cases} dr- \\ -dr- \end{cases}$	$*δr-(?) > dr-$ $*δr-(?) > rd-$

Переход др.-ир. *-ʃr- > -l-* не является окончательно доказанным. Как полагает В.А. Лившиц¹⁶³, ягн. *-δr- > -rd-* может указывать на то, что в интервокальной позиции *-ʃr-* должно было иметь рефлекс **-rt-/ *rs-*, а не *-l(l)-*. Переход *-ʃr- > -l(l)-* постулировал В. Гейгер, исходя из ягн. *ol* 'огонь' и *rūl(l)a* 'сын', возводимых им к **āʃr-* и **rūʃra-* (других слов с древнеиранским *ʃr* в ягнобском не обнаружено). Однако *ol* в ягнобском выступает только в сочетании с глаголом *xaš-* (*olxaš-* 'зажигаться', 'загораться'), во всех других случаях 'огонь' в ягнобском — *olōw* — заимствование из таджикского. Ягн. *ol* находит точное соответствие в кабули: *ol zadan* 'излучать жар'. Заимствование в кабули из ягнобского в данном случае маловероятно; в обоих языках мы имеем дело скорее всего с мимемой. Ягн. *rūl(l)a* означает прежде всего 'младенец', 'ребенок', только в определенных контекстах —

‘мальчик’ («сын» в ягн. *žūta*, согд. *žāte* < *zātaḥa-*), и может быть истолковано как «детское» слово.

Еще одна фонетическая особенность ягнобского языка обращает на себя внимание в связи с проблемой согдийско-ягнобских диалектологических отношений. Эта особенность состоит в том, что в исконно ягнобских словах после сонорного, как правило, следует глухой смычный, а не звонкий, как это наблюдается, например, в согдийско-манихейском 164. Согдийско-манихейским группам *-ng*: *-nd*: *-mb* (< *nb*) соответствуют ягнобские *-nk*, *-nt*, *-mp* (< *np*): ср. ягн. *sank(a)* — согд. *sang* (ав. *asənga-*) 'камень'; ягн. *rankīna* — согд. *rangān* 'цветной'; ягн. *unkūšt* — согд. *angušt* (ав. *angušta-*) 'палец'; ягн. *-ant* — согд. *-and* (оконч. 3-го л. мн.ч.); ягн. *čintir* — согд. *čəndər* (послелог), ягн. *ǰāntum* — согд. *ǰandum* 'пшеница'; ягн. *xīmpa* 'гной, скопившийся в уголке глаза', *šikāmpa* 'желудок', *xāmpa* 'низина', но согд. *ṣṣ'mbn*, *ṣṣ'mpn* (*ṣvāmban*) 'госпожа', 'женщина', *tmb'r* (*tambār*) 'тело' (< др.-ир. **tanu-pāra*), согд. -хр. **mpd* 'падать' (*ambad* - < др.-ир. *ham-pata*). Исключением является лишь слово *dīndak* 'зуб', где, очевидно, *-nd*- возникло из *-nt*- значительно позднее под влиянием таджикского *dandōn* или в результате уподобления начальному *d*. В заимствованной лексике мы почти всюду встречаем *-ng*, *-nd*, *mb* (< *nb*): *angīšt* 'уголь', *angūr* 'виноград', *čang* 'пыль', *čangák* 'крючок', *balánd* 'высокий', *band* 'завязка' (ср. ягн. *vant* 'завязка'), *lúnda* 'круглый', *parandá* 'птица', *dambál* 'увалень', *ǰumb-* 'двигаться', 'шевелиться', *xamb* 'низина' (ср. ягн. *xāmpa*). Группы *-nk*, *-nt*, *-mp* можно встретить в топонимах верховьев Зеравшана и Ягноба: Анкатак, Антарк, Антарсара, Варвант (в топонимах Варванти боло, Варванти пойон), Дорвант, Зампи, Испантич, Интрига, Йавгунтич, Кантук, Карантинова, Пантижнок, Синтот, Тагримпот, Гурканта.

Профессор И. Гершевич отмечает, что нет никаких данных, которые бы дали нам возможность решить, представляют ли написания *nt*, *nk*, *nr* в согдийском письме сонорный, за которым следует звонкий согласный или глухой. Однако можно предположить, что по крайней мере в возникших од-

современно с манихейскими (начиная с VII в. и позже) текстах, написанных согдийским письмом, произношение было *nd*, *ng*, *mr*. Но этот вариант не бесспорен, и в более ранний период могло быть и так: *nt*, *nk*, *mr*, по крайней мере, там, где в древнеиранском было *t*, *k*, *r*.

Замена древнеиранских *d, g, b* на *t, k, p* в ягнобском, очевидно, имела место в довольно ранний период. Во всяком случае, аналогичное явление мы находим уже в древнеиранских диалектах, где *-nd-* чередуется с *-nt-*, ср. *gantuma-* 'пшеница' и *ganti-* 'пахнуть', 165.

Если бы др.-ир. *nt*, *nk*, *mr* и др.-ир. *nd*, *ng*, *mb* остались неизменными в протоягнобском, то трудно допустить, что утрата звонкости произошла лишь по аналогии с группами со вторым глухим. Но если в протоягнобском имелась тенденция озвончать древнеиранские *t*, *k*, *p* после сонорного, как и в согдийско-манихейском, тогда в переходный протоягнобский период, когда, например, употреблялись параллельно *antar* 'внутри' (< др.-ир. *antar*) и *andar*, не было ничего противоестественного в том, что *vandak* 'слуга' (< др.-ир. *bandaka-*) произносился и как *vantak*. Когда уже затем, опять-таки в тот же переходный период, процесс озвончения приостановился, очевидно, возникло предпочтение *antar* перед *andar*, и последний вышел из употребления, а старое *vandak*, которое фонетически стало ассоциироваться с *andar*, было вторгнуто в сферу нового *vantak*. Для генерализации *nt* особую роль мог иметь факт морфологического характера. В тот период, когда наряду с *antar* возникло произношение *andar*, параллельно с *kunti* 'он делает' стали употреблять *kundi*. Большинство глаголов продолжало иметь окончание 3-го лица единственного числа *-ti* и лишь немногие — *-di*. Такое явление имело место в манихейско-согдийском. Но если это не смущало носителей согдийско-манихейского, то, вероятно, смущало носителей протоягнобского. По парадигматическим причинам они, очевидно, прекратили озвончение *t* в *kunti*, что ассоциировалось с вариантами типа *antar* и способствовало ослаблению позиций варианта *andar*. Когда стал прекращаться процесс озвончения в группе *nt*, то это

было, очевидно, перенесено и на случаи с *nk* и *tr* 166. Ранние заимствования из таджикского подчинялись описанным выше правилам, что подтверждается, например, наличием таких пар, как *čank*//*čang* 'пыль', *tank*//*tang* 'узкий', *púmrak*//*púmbak* 'почка растений'. Это свидетельствует о том, что рассмотренная закономерность проявилась раньше, чем возникла тенденция массового заимствования из таджикского.

На первый взгляд может показаться, что и ягнобское *žúta* 'сын' есть диалектная форма согд. *z't'k*. Здесь, однако, скорее всего имело место позднейшее возникновение *ž < o < согд. ā* по аналогии с глаголом *žū-* 'жить', тем более, что ни в одном другом ягнобском слове подобное явление не наблюдается.

Единое мнение существует в отношении того, что иное употребление аугмента в ягнобском сравнительно с согдийским должно считаться одним из его диалектных признаков.

В согдийском литературном языке древнеиранский аугмент исчез во внешней позиции, но сохранился во внутренней (между приставкой и основой глагола). При этом в основном имели место следующие явления: *-a* приставки + аугмент > *ā*, *-i* приставки + аугмент > *i*: *p'rxs* (*pārxs*), 3-е лицо единственного числа прошедшего времени глагола *prxs-* 'оставаться' (*p-* < др.-ир. *apa-*); *fr'm'y* (*frāmāy*), 3-е лицо единственного числа прошедшего времени глагола *frm'y* 'приказывать' (*fr-* < др.-ир. *fra-*); *ptywš* (*patījūš*), 3-е лицо единственного числа прошедшего времени глагола *ptywš* 'слушать' (*pt-* < *pati-*); согд.-будд. *zyw'rt'nt* (*zīwārtand*), 3-е лицо множественного числа прошедшего времени глагола *zw'rt-* 'возвращаться' (*z-* < *uz-*). Имелись и некоторые другие особенности в употреблении согдийского аугмента, которые подробно описаны в работах И. Гершевича и Г. Рейхельта 167. Более того, целый ряд согдийских приставочных глаголов образовывал формы имперфекта вообще без аугмента 168.

Итак, можно говорить об ограниченном использовании аугмента в образовании форм прошедшего времени в литературном согдийском языке.

Иначе обстоит дело в ягнобском. Здесь внешний аугмент приобрел универсальное значение: он образует формы прошедшего времени абсолютно со всеми глаголами (ср. *apirāxs* 'он остался', *afarmóy* 'он приказал', *adužūš* 'он услышал', *aživórtor* 'они вернулись', *avówim* 'я пришел', *awén* 'он увидел' и т.д.).

Может быть в связи с ограниченным употреблением аугмента в согдийском связано и то, что в согдийско-христианских текстах формы имперфекта употребляются крайне редко, зато формы перфекта, имея тенденцию к стяжению, следовательно, к превращению из сложных в простые, используются даже тогда, когда можно было бы ожидать употребления имперфекта 169. Если исходить из того, что язык согдийско-христианских текстов — это позднее стилистико-хронологическое состояние согдийского, то налицо еще одна согдийско-ягнобская дифференция, а именно: разные пути преобразования древнеиранского имперфекта. В ягнобском четко сохраняется аугмент, следовательно, формы имперфекта развиты и дифференцированы от перфекта. В согдийском, судя по христианским текстам, наоборот, наблюдается тенденция поглощения форм имперфекта формами перфекта.

Вполне вероятно, что при развитой системе имперфекта в согдийско-ягнобском диалекте могли вообще отсутствовать перфектные формы, образованные от прошедших основ переходных глаголов при помощи вспомогательного глагола *š'r* (согд.-хр. *d'r*) 'иметь', столь широко употребительные в литературном согдийском: согд.-ман. *šβrt š'r* от *šβr-* 'давать', *xwrt š'r* от *xwrt-* 'есть' 170.

Неоспоримо включение в число различительных диалектных признаков глагольного окончания 3-го лица множественного числа *-or*, одного из так называемых *r*-овых окончаний (*die r-haltigen Endungen*) 171, встречающихся также в авестийском, хорезмийском и хотанско-сакском языках. Ягнобскому *-or* в согдийских письменных памятниках противопоставляется окончание *-and* 172: ср. ягн. *awénor* 'они увидели' — согд.-ман. *wyn'nd*; ягн. *atifarór* 'они дали' — согд.-ман. *š'βr'nd*.

Итак, выделяются два различительных диалектных признака в морфологии, оба относятся к сфере глагола. Система ягнобского глагола отличается от согдийской также рядом других черт, которые в подавляющем большинстве вероятнее всего должны расцениваться как позднейшие новообразования¹⁷³. Тем не менее есть и такие явления, о которых нельзя сказать со всей определенностью, что они только результат позднейшего развития языка.

В согдийском литературном языке употреблялось несколько глагольных частиц: *x't*; *k'm*, *k'n*; *'sk(w)n*, *k(n)*; *'štn*¹⁷⁴. При помощи частицы *x't*, происходящей от формы 3-го лица единственного числа сослагательного наклонения глагола бытия, образовывалась вторичная форма сослагательного наклонения: согд.-ман. *'krtyy /s/tyy x't* 'должно было бы быть сделано', *qδ'rmx't* 'если бы я сделал'.

Частица *k'm*, *k'n* (в христианских текстах *q*, *q'*, *q'n*) присоединялась обычно к формам настоящего времени для придания им значения будущего времени: *jwtk'm* 'он будет жить', *ny w'c'mk'm* 'я не позволю', *myryyk'm* 'ты умрешь'.

Иногда она употреблялась для усиления значения сослагательного и желательного наклонений.

Манихейская частица *skwn* имела варианты *sk*, *kn*, *k*, она обозначала длительность, встречалась в согд.-хр., где выступала в форме *sqn*. В согд.-будд. имелось только (*'*)*skwn*. Эта частица использовалась:

- 1) в формах настоящего времени;
- 2) в формах имперфекта: согд.-ман. *grβ'skwn* 'он знал', *kn'skwn* 'он копал', согд.-будд. *tyk'wš'nt'skwn* 'они смотрели';
- 3) с формами желательного наклонения в значении претерита: *syyskwn* 'она брала', *sn'yyskwn* 'она мыла';
- 4) с претеритом на *-āz-*: *šw'zskwn* 'он шел' (англ. *he was going*).

Ни одна из перечисленных частиц в ягнобском не встречается. Естественно, напрашивается вопрос, имелись ли они в нем прежде? Дать прямого ответа на него нельзя, но, проводя параллель между таджикским и ягнобским, можно сде-

лать одно предположение. Известно, что формы будущего категорического времени (типа *xoham raft* 'я пойду') не встречаются ни в говорах таджикского языка, ни даже в общеразговорном таджикском языке. Они принадлежат исключительно литературному языку, поэтому их называют также формами литературного будущего времени¹⁷⁶. Действие, которое должно состояться, выражается в общеразговорном таджикском языке формой настоящего-будущего времени (*méravam* 'я пойду').

В ягнобском языке, где нет особых форм будущего времени, наблюдается аналогичное явление (*šáwomišt* 'я иду' и 'я пойду'). Очевидно, учитывая сравнение с таджикским языком, можно допустить, что в согдийско-ягнобском диалекте не было особых форм будущего времени.

Этот вывод находит подкрепление в том, что и в памирских языках не употребляются особые формы будущего времени. Отсюда следует, что частица *k'm* могла вообще отсутствовать в согдийско-ягнобском диалекте.

Наряду с *'skwn* в согдийско-буддийских текстах встречается частица *'štn*, выполняющая те же функции. До сих пор она не была обнаружена ни в одном из манихейских или христианских текстов. Более того, она использована только в формах 1-го и 2-го лица единственного числа настоящего времени четырех наиболее употребительных глаголов: *šw-* 'идти', *δgr-* 'давать', *wyn-* 'видеть', *wβ-* 'говорить'. В тексте «Vessantara Jātaka»¹⁷⁶, где найдены почти все примеры, встречаются параллельно формы с *'skwn* и *'štn*, но если, например, *šw'm 'skwn* 'я иду' встретилось 17 раз, то *šw'm 'štn* — всего пять, *šw'y 'skwn* 'ты идешь' — восемь, *šw'y 'štn* — два, *δgr'm 'skwn* 'я даю' — восемь раз, *δgr'm 'štn* — только один¹⁷⁷. Э. Бенвенист полагает, что в этом случае можно видеть диалектальное различие. Если *'skwn* была более древней и литературной формой, свойственной всем вариантам согдийского, то частица *'štn* принадлежала разговорному языку, откуда она попала в литературный.

Такая интерпретация позволяет понять, почему только *'štn* сохранилось до сих пор в ягнобском, где она представлена глагольным аффиксом *-iši*, присоединяемым к личным

окончаниям: ср. ягн. *šáwomišt* 'я иду' — согд. *šw'm 'štn*; ягн. *tifáromišt* 'я даю' — согд. *špr'm 'štn*; ягн. *wóvišt* 'ты говоришь' — согд. *w'β'y 'štn*.

Нельзя определить из-за недостатка примеров, присоединялось ли *'štn* кроме настоящего времени также к другим временным формам, как это наблюдается в ягнобском, где *-išt* используется в формах прошедшего длительного. Во всяком случае, непрерывность функции заставляет думать о том, что формы с *'štn* были живыми в согдийско-буддийском, в то время как *'skwn* преобладало, поддерживаемое традицией¹⁷⁸.

По Бенвенисту, ягн. *-išt* < согд. *'štn* благодаря отпадению конечного *-n*, точно так же как *sk* < *'skwn*, подобно парфянскому *'št*, согд. *'štn* < др.-ир. *hišta-* (презенс глагола *stā-* 'стоять')¹⁷⁹. В то же время допустимо предполагать непосредственное происхождение ягн. *-išt* от др.-ир. *histā*¹⁸⁰. Как бы то ни было, этимологическая и функциональная связь между согд. *'štn* и ягн. *-išt* совершенно очевидна.

В согдийском языке имелось причастие настоящего времени на *-ān*, которое выступало также в адвербиальной функции¹⁸¹: *r'y'n* 'плачущий', 'плача'. Специальных деепричастных форм в согдийском не было. В ягнобском есть две формы деепричастий: на *-on* и *-ki*. Трудно определить, продолжает ли ягнобское деепричастие на *=on* согдийское причастие наст.вр. или является калькой таджикского причастия (=деепричастия) настоящего времени на *=on* (ср. *xandón* 'смеющийся', 'смеясь'). И то и другое допустимо.

Что касается деепричастия на *-ki*, то нет оснований считать его наличие в ягнобском результатом влияния таджикского языка. В то же время неясна этимология суффикса, образующего это деепричастие.

Наконец, остается рассмотреть диалектологические отношения ягнобского и согдийского в сфере лексики. Сравнение исконной ягнобской лексики с той частью согдийской лексики, которая зафиксирована в глоссариях к расшифрованным текстам, дает возможность выявить некоторое количество слов, присущих только ягнобскому.

Некоторые из этих слов были приведены в качестве примеров М.Н. Боголюбовым и В.А. Лившицем (см. выше). Дополнением могут служить ягн. *diwí-* 'падать' — согд.-хр. *'mrd*, согд.-будд. *'npt*; ягн. *ḡax-* 'подниматься' — согд. *'nṣz*; ягн. *wīd-* 'бросать' — согд. *p's 'y*; ягн. *vān(n)* 'длинный' — согд. *βrz'k*, *βrzyu*, а также, вероятно, ягн. *laks-* 'ходить', 'бродить', *līxna* 'гладкий', *mākša* 'однолетний теленок', *piyón* 'вчера', *rask* 'прямой', *sīnčīn* 'игла', *xišóy-* 'жевать', *xi-níj-* 'пахтать', *fayt-* 'успевать', *zimák-* 'сосать' и т.д.

Можно значительно расширить список ягнобских «диалектизмов», но этим еще не будут раскрыты истинные взаимоотношения двух языков в области словаря.

Основная причина в том, что пока отсутствует сводный словарь согдийской лексики, основанный на сплошной росписи всех имеющихся согдийских текстов. Составление же такого словаря в какой-то мере задерживается из-за того, что часть добытых согдийских документов все еще остается непрочитанной.

Есть ли гарантия, что в сводном согдийском словаре не обнаружатся слова, которые мы сейчас считаем ягнобскими «диалектизмами»? Такой гарантии нет. Подтверждением этого вывода служит обнаружение слова *gax* 'рот' в согдийской надписи Афрасиаба¹⁸². Следовательно, можно рассчитывать на обнаружение все новых и новых фактов (как лексических, так и, очевидно, в меньшей мере, грамматических). Пока задача согдологов состоит в том, чтобы фиксировать эти факты, не делая при этом каких-либо решающих выводов в отношении диалектов согдийского языка.

ТЕКСТЫ

Тексты записаны: I-XIII — от Худаёра Сафарова (29 лет, сел. Вагинзой), XIV-XV — от Хусейна Сангинова (41 год, сел. Мархтимайн), XVI — от Нурали Нутова (40 лет, сел. Муштиф), XVII-XVIII — от Каноата Раззокова (61 год, сел. Питип), XXI — от Ибрагима Сафарова (50 лет, сел. Питип), XXII — от Убайдуллы Сафарова (10 лет, сел. Питип), XXIII — от Мирзо Каноатова (19 лет, сел. Питип), XXIV — от Боя Ра-